

На следующий день Ли Пинъань, чье лицо напоминало свиную голову, отправился в Зал Внутренних Боевых Искусств, где удостоился всяческих проявлений заботы и сочувствия со стороны других евнухов.

Сяо Чжо-цзы, прижимая руку к груди, ронял слезу за слезой, а его широкое, как лепешка, лицо тоже выглядело слегка припухшим:

— Господин Ань, глядя на вас в таком виде, сердце просто разрывается...

Не успел он договорить, как остальные евнухи разлетелись в разные стороны, словно птицы, напуганные выстрелом. Сяо Чжо-цзы, повернувшись спиной к дверям, мгновенно вытер слезы и, извиваясь, словно голец, юркнул на свое место.

Евнух Чжоу возник словно из ниоткуда, мелькнув остаточными изображениями, и в мгновение ока оказался рядом с Ли Пинъанем. Его мутные, впалые глаза излучали опасный блеск.

— Сяо Аньцзы, что случилось с твоим лицом?

— Отвечаю господину... — Ли Пинъань с трудом зашевелил губами, его голос звучал невнятно.

— Учился правилам... да не доучился.

Евнух Чжоу долго разглядывал лицо, покрытое сплошными синяками, на его лице промелькнуло отвращение, и он процедил сквозь зубы:

— Идиот.

Ли Пинъань, чьи глаза опухли так, что один почти не открывался, вторым, еще способным видеть, с мольбой смотрел на наставника:

— Господин, я непременно буду усерднее учить правила.

Евнух Чжоу проигнорировал его, раскрыл Канон Лотоса и начал нараспев читать:

— ...Мысли чисты, дух устремлен ввысь, ци наполняет Пурпурный чертог, дух возвращается к истинному истоку!

Возможно, из-за дурного настроения или иных дел, он дважды прочел текст вполголоса и, махнув рукавом, удалился, оставив всех самостоятельно постигать смысл написанного.

В полдень, во время обеда, из-за сильного отека щек Ли Пинъань мог лишь слегка приоткрыть рот, чтобы понемногу отхлебывать жидкую кашу. Аромат паровых лепешек так и лез в нос. В душе Ли Пинъаня поднималась обида: с каждой съеденной не им лепешкой ненависть к евнуху Чжоу росла. В этом мире тот, кто дает тебе лепешку — хороший человек, а все остальные — отъявленные негодяи!

Вдруг раздался глухой удар. Кто-то рухнул к ногам Ли Пинъаня, прокатился по полу и, свернувшись калачиком, спрятался под столом. Ли Пинъань узнал Сяо Хайцзы, которого вечно задирали. Трое дюжих евнухов окружили его, засучив рукава, и принялись избивать, осыпая площадной бранью. Сяо Хайцзы молчал, как бы его ни били.

Ли Пинъань молча пересел на другое место, чтобы не навлечь на себя беду, не испытывая ни малейшей жалости. Те страдания, что выпали на его долю, были в сотни раз ужаснее, чем у Сяо Хайцзы. Если бы за побои давали паровые лепешки, то обычным людям не хватило бы жизни, чтобы выстоять в очереди за таким наказанием. К тому же жалость и сострадание — самые дешевые и бесполезные вещи на свете!

Вскоре главный задира устал и, махнув рукой, бросил:

— Пошли, завтра придем и продолжим учить этого щенка уму-разуму.

Когда они ушли, Сяо Хайцзы издал болезненный стон.

На небольшой площади мрачный взгляд евнуха Сюя скользнул по присутствующим. Увидев разбитое лицо Ли Пинъаня, он слегка приподнял уголки губ и проскрипел:

— Мудрецы говорили: повторяя старое, узнаешь новое. Сначала двадцать ударов по лицу, а потом я обучу вас новым правилам!

Евнухи не посмели ослушаться и начали бить себя по щекам, громко считая удары. Ли Пинъань смутно почувствовал, что евнух Сюй нацелился именно на него, поэтому, не колеблясь, поднял руку и с силой ударил себя по щеке.

— Слуга заслуживает наказания... — начал он.

От и без того распухшего лица полыхнуло огнем, во рту появился свежий привкус крови. После двадцатого удара в голове Ли Пинъаня загудело, в ушах стоял звон, а перед глазами все поплыло.

Евнух Сюй хлопнул в ладоши:

— Неплохо, совсем неплохо. Сегодня я научу вас ходить.

Все недоуменно переглянулись: коленопреклонения, поклоны и прочие церемонии — это понятно, но зачем учиться ходить?

— Когда мы ходим по дворцу, главное — опустить голову и согнуть спину, не слушать и не смотреть. Лучше всего быть незаметным, как сорная трава у дороги...

Евнух Сюй встал, его фигура внезапно стала ниже, холодная аура полностью исчезла, и он превратился в самого обычного деревенского старика.

— Но смирение — это лишь начало. Чтобы стать достойным евнухом, при ходьбе нельзя издавать ни звука, дабы не потревожить покой знатных особ.

Евнух Сюй взял в ладони зажженную свечу и пошел вдоль швов на каменных плитах. Его шаги были абсолютно бесшумны, а широкие рукава и полы халата даже не шелохнулись. Он прошел большой круг, но пламя свечи в его руках не дрогнуло ни на миллионную долю.

— Когда освоите искусство Тихой свечи, тогда и можно считать, что вы научились ходить!

В этот момент Сяо Цюйцзы привел нескольких разнорабочих из Дирекции дворцовой стражи, которые принесли два больших ящика. В одном лежали свечи, в другом — странная обувь на жесткой деревянной подошве с медными бубенчиками на носках.

Ли Пинъань получил свечу, зажег ее и надел неуклюжие туфли. При каждом шаге раздавалось цоканье дерева и звон бубенчиков.

Евнух Сюй скомандовал:

— Сяо Цюйцзы, веди их.

Сяо Цюйцзы, согнувшись и бережно неся свечу, пошел вперед, а за ним потянулась длинная вереница евнухов. Площадь наполнилась непрерывным звоном и стуком. Евнух Сюй взмахнул широким рукавом, разбросав сотню соевых бобов, которые градом посыпались на щиколотки евнухов.

— Сначала опускайте носок, как стрекоза, касающаяся воды, вращайте стопу, гася инерцию... Шаг — два чи и два цуня, ни больше, ни меньше... Свечу не сжимать и не подпирать, держать пальцами, это называется Скрытие острия... При движении вперед первым идет правая нога, при отступлении — наоборот, это путь Инь и Ян...

Бобы летели без остановки, как и наставления евнуха Сюя. Однако тонкостей было слишком много, а контроль силы требовал невероятной точности. Никто из сотни евнухов не мог двигаться бесшумно. Свечи в руках то вспыхивали, то гасли, и к середине круга половина из них погасла.

Евнух Сюй славился своей суровостью. Когда первая порция бобов закончилась, он приказал принести целый чан, продолжая осыпать учеников градом снарядов. Ли Пинъань получил несколько десятков ударов, многие из которых пришлось по лицу и груди. В бобах чувствовалась не только физическая сила, но и ледяная, жестокая Истинная Ци, от которой его кости начали трещать.

Ли Пинъань морщился от боли, но не смел издать ни звука. Прошлой ночью Сяо Чжунцзы, увидев его раны, не стал утешать, а лишь сурово предупредил: как бы евнух Сюй ни мучил, ни в коем случае нельзя жаловаться. Евнух Сюй действует по воле императора, и любая жалоба будет расценена как неверность, за что на месте могут забить до смерти.

Лишь когда большая часть чана была опустошена, а запас Истинной Ци евнуха Сюя истощился, он нехотя махнул рукой:

— На сегодня хватит, завтра продолжим.

Евнухи рухнули на землю, тяжело дыша. Многие не выдерживали боли от сломанных костей, но испытывали лишь облегчение от того, что остались живы.

По пути во дворец Сяо Цюйцзы, поддерживая своего названного отца, любопытствовал:

— Господин, не слишком ли рано вы начали учить их ходить?

По обычаю, первый месяц новички учатся только коленопреклонениям и поклонам, а на второй — этикету и званиям. За два месяца они успевали выучить Канон Лотоса, а самые усердные начинали практиковать внутреннюю энергию. Тогда и ходить учить было бы куда проще.

Евнух Сюй ответил:

— В этом мире нет строгой очередности. Может случиться так, что, едва выйдя в мир, столкнешься с великим демоном.

Сяо Цюйцзы не понял смысла слов, но знал, что действия отца всегда кажутся спонтанными, а на деле полны глубокого замысла. В глазах евнуха Сюя блеснула злоба, но на лице заиграла улыбка:

— Нужно давать молодым шанс. Сегодня я сею добрые семена, а в будущем, возможно, пожну добрые плоды...

<http://bllate.org/book/18511/1779136>